



УДК 811.111'373.612.2

ББК 81.2 Англ.

Шаталов Дмитрий Геннадиевич

аспирант

г. Воронеж

Метафора как феномен культуры

В статье рассматриваются метафорические концепты, отражающие ценностные установки в английской и русской культурах. Предлагается классификация этно-культурных метафор в соответствии с теорией культурных измерений Г. Хофстеде.

В последнее время многие ученые высказывали предположения о культурной предопределенности мышления. Мышление рассматривается как феномен культуры в рамках гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, теории культурных измерений голландского социолога Гирта Хофстеде. Культурная обусловленность мышления изучается в теории межкультурной коммуникации. Например, М. Гирдам [18] считает, что аналитизм французов может входить в противоречие с английским прагматизмом. Этот же автор отмечает, что в восточных культурах, перед тем, как сделать предложение (suggested action), обычно излагается его обоснование (reason), тогда как американцы, как правило, предлагают и только потом объясняют возможные преимущества предложенного. Р. Солсо [10: 450] считает, что представители различных культур по-разному принимают

решения, имеют различные представления о морали. Некоторые авторы приходят к мысли о том, что культурная составляющая мыслительного процесса может стать барьером (a stumbling block) на пути к полному взаимопониманию между культурами [16]. С другой стороны, высказываются предположения о метафорическом характере мышления. Так, Ф. Ницше считал, что язык метафоричен по своей природе, а Дж. Лакофф выдвинул теорию когнитивной метафоры. В знаменитой книге, написанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5], в качестве примера приводится метафорический концепт СПОР – ЭТО ВОЙНА, которым «мы живем в нашей культуре». Авторы не исключают того, что понятия о споре в другой культуре могут существенно отличаться от наших: «Постараемся вообразить другую культуру, в которой споры не трактуются в терминах войны, в споре никто не выигрывает и не проигрывает, никто не говорит о наступлении или защите, о захвате или утрате территорий. Пусть в этой воображаемой культуре спор трактуется как танец, партнеры — как исполнители, а цель состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут рассматривать споры иначе, вести их иначе и говорить о них иначе. Мы же, по-видимому, соответствующие действия представителей этой культуры вообще не будем считать спорами: на наш взгляд, они будут делать нечто совсем другое. Нам покажется даже странным называть их “танцевальные” движения спором» [там же]. Хотя вряд ли весь мыслительный процесс имеет метафорическую природу, не вызывает сомнений метафоричность познавательного мышления. Еще А.А. Потебня отмечал, что один предмет познается по сравнению с другим. Процесс концептуализации, то есть формирование так называемой картины мира, есть процесс сопоставления. В ходе этого процесса сопоставляются либо смежные понятия, либо несмежные. «Познание может иметь линейную структуру, когда одна сущность осознается по соположению с другой. В этом случае познающий субъект играет пассивную роль в процессе познания, которое навязывается субъекту объективной действительностью. В другом случае активный субъект совершает мысленный прыжок от одной сущности к другой и создает субъективную



действительность с целью осознать действительность объективную. Пассивное познание осуществляется по метонимической оси мышления, тогда как активное познание проходит по метафорической оси» [4]. Метафорически познанное понятие и в дальнейшем мыслится метафорически. Как считал А.А. Потебня, как только забывается внутренняя форма слова, слово приобретает новое переносное значение. Таким образом, связь концептуализации и метафоризации очевидна. При сопоставлении культур особый интерес представляет концептуализация культурных ценностей. Именно ценности составляют остов культуры. Наиболее продуманной классификацией культурных ценностей является теория культурных измерений Гирта Хофстеде, который предложил использовать четыре критерия для «измерения объемов национальных культур» [19]:

- индивидуализм,
- маскулинность,
- избегание неопределенности,
- дистанция власти.

Ценности являются неотъемлемой частью национального самосознания, они «определяют ментальность соответствующей культуры» [9]. Являясь абстрактными понятиями, ценностные установки осознаются метафорически. Выявление этнокультурных метафорических концептов должно производиться на материале художественных текстов тех культур, в которых данный параметр является выраженным. Согласно исследованию Г. Хофстеде, английская культура является индивидуалистской и маскулинной. Для русской культуры характерна высокая степень избегания неопределенности и большая дистанция власти.

Как считает Хофстеде, английская культура является одной из самых индивидуалистских. Индивидуализм предполагает разобщенность членов общества, замкнутость на себе как на самодостаточной личности. Каждый индивид имеет право на частное мнение и личную жизнь. В английской культуре жизнь отдельного человека мыслится как пребывание в некотором

ограниченном пространстве, которое либо является замкнутым, либо, не будучи замкнутым, само по себе ограничивает человека и отделяет его от других членов общества:

1. Замкнутое жизненное пространство может метафорически осмысляться как пузырь, скорлупа или кожный покров:

Nick Hornby. About a boy.	Перевод К. Чумаковой
The right question was: what the hell difference did it make? Because if the only things that separated Fiona from the rest of them were Suzie's reassuring car keys and Will's expensive casual clothes, then she was in trouble anyway. You had to live in your own bubble. You couldn't force your way into somebody else's, because then it wouldn't be a bubble any more. Will bought his clothes and CDs and his cars and his Heals furniture and his drugs for himself alone; if Fiona couldn't afford these things, and didn't have an equivalent bubble of her own, then that was her lookout.	Правильный вопрос был: «А какая между ними разница?» Потому что если единственной вещью, отличавшей Фиону от всех этих людей, были ключи от машины в руках Сюзи да еще дорогая одежда Уилла, то это означало, что у нее серьезные проблемы. Нужно жить в собственном мыльном пузыре. Нельзя пытаться проникнуть в чужой пузырь, потому что так ты лишишься своего. Ведь Уилл покупал одежду, компакт-диски, машины, модную мебель и наркоту исключительно для себя; и если Фиона не могла себе этого позволить и у нее не было соответствующего пузыря, это ее проблемы.

Nick Hornby. About a boy.	Перевод К. Чумаковой
The truth was that this version of Marcus really wasn't so hard to cope with. He had friends, he could look after himself, he had developed a skin – a kind of skin Will had just shed.	Просто с новым Маркусом легче справляться. У него были друзья, он мог позаботиться о себе, у него образовался защитный покров – тот покров, который недавно сбросил Уилл. Он стал



He had flattened out, and become as robust and as unremarkable as every other twelve-year-old kid. But all three of them had had to lose things in order to gain other things. Will had lost his shell and his cool and his distance, and he felt scared and vulnerable, but he got to be with Rachel.	двухмерным, таким же простым и неприметным, как и все остальные дети двенадцати лет. Но им всем пришлось с чем-то расстаться для того, чтобы что-то приобрести. Уилл утратил свою защитную скорлупу, невозмутимость и отстраненность, он был испуган и чувствовал свою незащищенность, но зато у него была Рейчел.
--	--

2. Во втором случае реализуется метафорический концепт ОТЧУЖДЕННОСТЬ – ЭТО ОТСУТСТВИЕ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТАКТА. При этом неограниченное пространство разделяет людей:

David H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover.	Перевод И.Багровой, М.Литвиновой
Still he was ambitious. He had taken to writing stories; curious, very personal stories about people he had known. Clever, rather spiteful, and yet, in some mysterious way, meaningless. The observation was extraordinary and peculiar. But there was no touch, no actual contact. It was as if the whole thing took place in a vacuum.	Бок о бок с неуверенностью в Клиффорде уживалось честолюбие. Он принялся писать рассказы: удивительные, глубоко личные воспоминания о бывших знакомых. Получалось умно, иронично, но - вот загадка! - не угадывался авторский замысел. Клиффорду не отказать в чрезвычайной и своеобразной наблюдательности. Но его героям не хватало жизни, связи друг с другом. Действие разворачивалось словно в пустоте.

David H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover.	Перевод И.Багровой, М.Литвиновой
His relatives treated her quite kindly.	И родные его, в общем-то, привечали

She knew that the kindness indicated a lack of fear, and that these people had no respect for you unless you could frighten them a little. But again she had no contact. She let them be kindly and disdainful, she let them feel they had no need to draw their steel in readiness. She had no real connexion with them.	Конни. Возможно потому, что не боялись ее. Но раз не боялись, значит, и не уважали. И с родней мужа у Конни не складывалось никаких отношений. Пусть говорят ей любезности, пусть едва скрывают снисходительное высокомерие - опасаться ее не стоит, так что острый булат их злословия может почивать в ножнах. Ведь Конни, по сути дела, отстояла от них далеко-далеко.
---	--

David H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover.	Перевод И.Багровой, М.Литвиновой
Vaguely she knew she was out of connexion: she had lost touch with the substantial and vital world.	Она смутно чувствовала: в ней зреет какой-то разлад. Она смутно понимала: жизнь, люди - точно за стеклянной стеной.

В отличие от английской, русская культура является менее индивидуалистской. Исследования, проведенные экспертами TACIS, показали, что индекс индивидуализма русской культуры составляет 50% [14]. Хофстеде отмечает, что коллективистские культуры характеризуются индексом индивидуализма, стремящимся к нулю, тогда как показатель индивидуализма культур, для которых свойственна высокая степень индивидуализма, приближается к 100%. Таким образом, ценностная установка на индивидуализм не является четко выраженной в русской культуре, поэтому жизненное пространство не является таким замкнутым и узким, как в английской культуре. Отдельные черты коллективистской культуры проявляются в «раскрепощенности и душевной распахнутости», «широте и безграничности русской души» [15:169]. Вместе с тем, установка на коллективизм не является



доминирующей. Этим, как считает А. Д. Шмелев, объясняется то, что «носитель русской языковой картины мира чрезвычайно болезненно реагирует, когда ему лезут в душу» [15:165]. Таким образом, хотя в русской картине мира отношения между людьми мыслятся как взаимодействие на открытом пространстве, безусловно и то, что пространство это имеет определенные границы, переступить которые – значит нарушить одну из заповедей, прочно укоренившихся в национальном сознании.

По данным Г. Хофштеде [19], английская культура находится на 10 месте в списке из 50 стран по показателю «маскулинность». Для маскулинных культур характерны установки на ценности, которые традиционно считаются качествами мужчин. «Согласно традиционным представлениям, мужчинам приписываются твердость, ориентация на конкуренцию, соперничество и стремление быть первым. Женщинам в свою очередь приписываются ориентация на дом, семью, социальные ценности, а также мягкость, эмоциональность и чувственность. В соответствии с таким разделением, в маскулинных культурах доминируют следующие ценности: настойчивость, сила, независимость, материальный успех, открытость. В культурах с мужским началом [...] половые различия мужских и женских ролей в обществе четко обозначены: мальчиков учат быть решительными и настойчивыми, а девочек – покладистыми и заботливыми» [8:111]. Проявление женской «покладистости» и демонстрация мужской «силы» являются нормой в маскулинных культурах, поэтому в английской культуре отношения между мужчиной и женщиной могут метафорически осмысляться как отношения между хозяином и рабыней:

David H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover.	Перевод И.Багровой, М.Литвиновой
Only when he was alone with Mrs Bolton did he really feel a lord and a master, and his voice ran on with her almost as easily and garrulously as her own could run.	Только оставаясь наедине с миссис Болтон, чувствовал он себя властителем и хозяином, речь лилась легко и охотно, как и у самой миссис Болтон.

David H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover.	Перевод И.Багровой, М.Литвиновой
It was not the passion that was new to her, it was the yearning adoration. She knew she had always feared it, for it left her helpless; she feared it still, lest if she adored him too much, then she would lose herself become effaced, and she did not want to be effaced, a slave, like a savage woman. She must not become a slave. She feared her adoration, yet she would not at once fight against it.	Отнюдь не страсть была ей внове, а какое-то неутолимое обожание. Конни всю жизнь страшилась этого чувства, ибо оно лишало сил. Спасалась она и сейчас: если ее обожание слишком велико, она просто потеряет себя, исчезнет как личность, станет рабыней, как самая последняя дикарка. Но рабыней становиться нельзя. И она страшилась своего чувства к Меллорсу, однако бороться с этим чувством пока нет сил.

По данным TACIS [14], русская культура занимает пятое место по степени избегания неопределенности в списке из пятидесяти стран. Стремление к определенности приводит к обилию «абсолютных моральных суждений» [3] в русской культуре. Как отмечает А. Вежбицкая, «в частотном словаре русского языка под редакцией Засориной [...] имя *подлец* встречается целых тридцать раз, тогда как в соответствующем американском корпусе слов (Kucera, Francis 1967) слово *scoundrel* встречается лишь дважды» [там же]. Слово *подлец*, с этимологической точки зрения, является метафорическим выражением очень характерного для русской культуры метафорического концепта. П. Я. Черных указывает на то, что старшим значением этого прилагательного является значение «исподний», «низкий» (нижний), «наземный», «связанный с землей», «близкий к земле», «донный» [12]. Слово *подлец* является лишь частью обширной системы противопоставлений «горнего» и «дольнего» в русской культуре [15]. С самого детства в процессе инкультурации человек узнает, «что такое хорошо и что такое плохо». Система модальностей, являющаяся



типичным признаком английского языка, в русском языке значительно проще и зачастую ограничивается модальностью должествования. В связи с этим большую значимость в русской культуре приобретает метафорический концепт ХОРОШЕЕ – ВВЕРХУ, ПЛОХОЕ – ВНИЗУ. Особенно заметной противопоставленность «горнего» и «дольнего» становится в переводе – там где в тексте оригинала соответствующий концепт отсутствует, в тексте перевода используется реметафоризация, в рамках которой и реализуется концепт ХОРОШЕЕ – ВВЕРХУ, ПЛОХОЕ – ВНИЗУ:

W. S. Maugham. The Moon and Sixpence.	Перевод Н. Манн
Art is the <i>greatest</i> thing in the world.	<i>Выше</i> искусства ничего нет на свете.

W. S. Maugham. The Moon and Sixpence.	Перевод Н. Манн
I suppose Velazquez was <i>a better</i> painter than El Greco.	Веласкес как художник был, вероятно, <i>выше</i> Эль Греко.

W. S. Maugham. The Moon and Sixpence.	Перевод Н. Манн
The soul of man wanders through <i>the uttermost</i> regions of the universe, and she seeks to imprison it in the circle of her account-book	Душа мужчины уносится в <i>высочайшие</i> сферы мироздания, а она [женщина] старается втиснуть ее в приходорасходную книжку.

«Дистанция власти представляет собой величину неравномерного распределения власти в обществе и степень готовности общества принять эту неравномерность» [8:105]. В культурах с большой дистанцией власти «вопрос о легитимности самой власти не столь важен, поскольку в обществе негласно существует убеждение, что в мире должно быть определенное неравенство, в котором каждый имеет свое место» [там же]. «Такого рода взаимоотношения в

культурах с высокой дистанцией власти основываются на убеждении, что люди изначально рождаются неравными [8:106]. Г. Хофстеде указывает на то, что высокая или низкая дистантность субъектов властных отношений в разных культурах обусловлена организацией семейных отношений. В культурах с большой дистанцией власти отношения в семье основаны на уважении, оказываемом старшим членам младшими и беспрекословном подчинении воле старших: «In the large power distance situation children are expected to be obedient towards their parents. Sometimes there is even an order of authority among the children themselves, younger children being expected to yield to older children. Independent behavior on the part of the child is not encouraged. Respect for parents and other elders is seen as a basic virtue [...] Parents and grandparents are treated with formal deference even after their children have taken control of their own lives. There is a pattern of dependence which pervades all human contacts, and the mental software which people carry contains a strong need for such dependence» [19:32].

По данным TACIS, дистанция власти в России очень велика [14]. Россия находится на втором месте по этому показателю в списке из пятидесяти стран. Высокая дистанция власти обусловлена восприятием властных отношений в терминах семейных отношений. «Метафорическая модель ГОСУДАРСТВО - ЭТО СЕМЬЯ представляет отношения между государством и гражданами, между лидером страны (царем, президентом, генеральным секретарем и др.) и народом, между социальными силами, между регионами и иными субъектами политической деятельности. Эти отношения могут концептуально представляться как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу, где младшие должны проявлять уважение к старшим, глава рода может при необходимости и наказывать неразумного. Вместе с тем едва ли не в любой семье могут возникать противоречия, появляться взаимные обиды и непонимание. Отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Все члены семьи - это «свой», и при необходимости они должны совместно



противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет [13].
 Метафорический концепт ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ может получать следующие выражения:

Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая.

Говорил Сталин заторможено, с остановками, как бы обдумывая каждое слово, взвешивая сказанное. От давней, как бы уже старческой усталости, печальны были не только голос, но и слова вождя. У людей, его слушавших, сдавливало грудь, утишало дыхание, жалко делалось вождя и все на свете, хотелось помочь ему, а чем поможешь-то? Вот и страдает, мучается за всех великий человек, воистину отец родной.

Борис Акунин. Смерть Ахиллеса.

– Сам Кирилл Александрович, царев братец, – сказал кто-то про конного генерала. – Видный мужчина.

Внезапно, оттолкнув жандарма из оцепления, к катафалку из толпы бросилась женщина в черном платке.

– На кого ты нас покинул, отец родной! – визгливо заголосила она, падая лицом на малиновый бархат.

В английской культуре, для которой характерна малая дистанция власти, властные отношения также могут восприниматься через призму семейных:

Colin Dexter. Service of All the Dead.

As if to deride his decision, bus after bus passed him: Cutteslowe buses, Kidlington buses, and the eternally empty Park and Ride buses, subsidised at huge cost by the City Fathers in the vain hope of persuading shoppers to leave their cars on the outskirts.

Однако цель метафорического концепта ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – не иерархичность отношений, как в

русской культуре, а равенство, «индивидуальная свобода и уважение к личности» [8:106]. Это объясняется организацией семейных отношений в английской культуре: «In the small power distance situation children are more or less treated as equals as soon as they are able to act, and this may already be visible in the way a baby is handled in the bath [...] A child is allowed to say ‘no’ very early. Relationships with others are not dependent on the other’s status; formal respect and deference are seldom shown [...] There is an ideal of personal independence in the family. A need for independence is supposed to be a major component of the mental software of adults» [19:32, 33].

Таким образом, этнокультурные метафорические концепты отражают разные представления о мире, а точнее – о том, каким этот мир должен быть. Ценностные установки, осмысленные метафорически, являются своеобразными концептуальными фильтрами, через которые мы смотрим на мир. И, несмотря на то, что воспринимаемая действительность объективно может быть одной и той же, в различных культурах эта действительность оценивается по-разному. Важно понимать, что этнокультурные метафоры – не только наше видение мира, но и руководство к действию. Непонимание чуждой метафорической концептосферы вполне может привести к «столкновению культур», поэтому успех межкультурной коммуникации напрямую зависит от способности по-новому осмыслить метафорическую картину мира, уже ставшую привычной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Смерть Ахиллеса [Электронный ресурс] / Б. Акунин. – Всемирная литература. – М. : Триада, 2004. – 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM).
2. Астафьев В.П. Прокляты и убиты [Электронный ресурс] / В.П. Астафьев. – Всемирная литература. – М. : Триада, 2004. – 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM).
3. Вежбицкая А. Русский язык [Электронный ресурс] / А. Вежбицкая. – (http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl.html).



4. Кашкин В.Б., Шаталов Д.Г. Метафора как средство активного познания [Текст] // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2006. – с.94-102.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – (<http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>).
6. Лоуренс Д.Г. Любовник леди Чаттерли [Электронный ресурс] / Д.Г. Лоуренс. – Всемирная литература. – М. : Триада, 2004. – 2 электрон. опт. диска (DVD-ROM).
7. Моэм У.С. Луна и грош : романы, эссе [Текст] / У.С. Моэм ; пер. с англ. Н. Ман [и др.].— М. : Эксмо, 2004.— 532 с.
8. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] / А.П. Садохин. – М. : Высшая школа, 2005. – С. 104-110.
9. Свирепо О.А. Этнокультурные метафоры [Электронный ресурс] / О.А. Свирепо. – (http://www.symballon.ru/image/publicat/press/svpr02_0.htm).
10. Солсо Р.Л. Когнитивная психология [Текст] / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, 2002. – 600 с.
11. Хорнби, Н. Мой мальчик [Текст] / Н. Хорнби. – М. : Иностранка, 2004. – 211 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / П.Я. Черных. – М. : Русский язык, 1994. – С. 49.
13. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале [Электронный ресурс] / А.П. Чудинов. – <http://www.durov.com/linguistics2/chudinov-01.htm>
14. Чупрова Д.Б. К вопросу определения понятия «организационная культура» [Электронный ресурс] / Д.Б.Чупрова. – (http://www.ncstu.ru/content/_docs/pdf/_trudi/_econom/12/30.pdf).
15. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира [Текст] / А.Д.Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 170.

-
-
16. Barna Laray M. Stumbling Blocks in Intercultural Communication [Text] / Larry A Samovar, Richard E Porter // Intercultural Communication. A Reader (8th ed.). – CA, USA: Wadsworth, 1997. – pp.345-352.
 17. Dexter C. Service of all the dead [Text] / C. Dexter. – London: Macmillan, 1979. – 279p.
 18. Guirdham M. Communicating across cultures [Текст] / M. Guirdham. – Basingstoke: Macmillan, 1999. – 328 p.
 19. Hofstede G. Cultures and Organizations [Text] / G. Hofstede. – London : Profile Books, 2003. – P. 32-125.
 20. Hornby, N. About a Boy [Text] / N. Hornby. – London: Penguin Books, 2000. – 210 p.
 21. Lawrence, D.H. Lady Chatterley's Lover [Text] / D.H. Lawrence. — London : Penguin Books, 1997.— 314 p.
 22. Maugham S. The Moon and Sixpence [Text] / S. Maugham. – М. : Менеджер, 2002. – 318 p.